Политологическое осмысление энергетических проблем в системе ближневосточного региона

Махмудов Фузаил Ахадулла-ўғли

Персидский субрегион является составной, органической частью ближневосточного региона. Это касается, прежде всего, политических процессов, тесно связанных с экономикой, энергетикой, углеводородами и иными факторами развития.

Территориально Ближний Восток представляет собой обширное пространство, охватывающее несколько субрегиональных зон, связанных с Магрибом, Кривым рогом на Африканском континенте, а на севере — с Центральной Азией и СУАР, едва касаясь Афганистана. Подобный подход зачастую встречается в американской литературе под названием "Большой Ближний Восток«[1]. Хотя, слово «большой» представляется излишне гипертрофированным, поскольку в этом случае надобно говорить о целостном Афганистане, связанной с ним Пакистано-Индийской зоне, а также выходом на АТР плюс Евразию.

Современное состояние развития межрегиональных и внутрирегиональных отношений на Ближнем Востоке представляются переходящим от одной острой проблемы к другой, носящей как региональный, так и глобальный характер. В большинстве случаев внимание мирового сообщества закреплено на вопросах урегулирования кризисов в Йемене[2], Сирии, Турции, а также ирано-саудовских и палестино-израильских противоречий[3].

Общая масса рассматриваемых в ООН вопросов по Ближнему Востоку на первый взгляд кажется исключительно острой. Несмотря на это, геополитическая фрагментированность ближневосточного региона и объективное извлечение из контекста общей панорамы важных событийных моментов международной повестки, все же делают его политическим и экономическим целым. С геополитической и хозяйственной стороны вопроса Северная Африка включает в свой состав Персидский залив.

Предметный подход к каждому государству определяет конгломерат противоположностей, тогда как целостная событийная картина продиктована сочетанием пролонгированных процессов в управлении и экономике. Религиозный фактор и социальная сфера также принимаются во внимание. Существует проблемы всех стран Ближнего Востока, касающиеся и Персидского залива.

Практически все региональные государства имеют проблемы с государственным механизмом управления. Эти проблемы в сфере управления имеют более широкий резонанс на все сферы деятельности стран, являя собой наиболее острую в виде коррупции и «рода-племенного капитализма». С этой точки зрения, учитывая западные перспективы, арабские монархии достигли большей эффективности путем распределения углеводородных доходов среди своего населения в сравнении с другими странами региона[4].

Своеобразное экономическое развитие и его диверсификация делают даже самые финансовообеспеченные нефтяные государства Залива уязвимыми перед глобальными экономическими кризисами и снижением цен на углеводороды. Другие государства отстают в способности обеспечить безопасность или стабильность, что подталкивает население этих стран к миграции. Данное обстоятельство выступает в качестве формирования нового уровня напряженности между мигрантами и европейскими государствами, к которым они обращаются за работой и возможностями[5].

Данные проблемы усугубляются совокупным воздействием продолжительной череды региональных и гражданских конфликтов, которые предшествуют современным кризисам. Региональные и межрегиональные проблемы представляют непосредственное негативное влияние на политическую стабильность и энерго-экономический потенциал смежных к региону государств, в частности, монархий Залива.

Как представляется, напряженность в отношениях между Ираном и его арабскими соседями началась с вывода британских подданных из восточной части Суэца, притязаний шаха на Бахрейн, его захвата Абу-Мусы, тунбесских островов, стремления контролировать шиитское население в арабских государствах с момента падения шаха Ирана Мохаммеда Реза Пехлеви в 1979 г. Поддерживая насильственную оппозицию и другие сепаратистские движения соперничество между Ираном и Сирией, началось не в 2011 г., а в начале ирано-иракской войны в 1980 г[6]. Это прямо воздействует на состояние отношений внутри Персидского Залива, в части, касающейся монархий и ИРИ.

Современное противостояние ИРИ-КСА уходит своими корнями в третью декаду XX в., когда иранская революция привела Хомейни к отправке посланников, оппозиционно настроенных против арабских правительств, в различные государства, а ирано-иракская война положила начало суннитскому и шиитскому конфликту[7]. Это усугубилось внутренней межрелигиозной напряженностью и вооруженными столкновениями в Ираке, и тем фактом, что продолжающаяся эскалация между США и Ираном создало необходимость для Соединенных Штатов установления стратегического партнерства с Саудовской Аравией, а также другими суннитскими государствами в южной части Залива. Следует учитывать, что опасения Ирана не являются беспочвенными и оправдываются историческим опытом долголетнего взаимодействия с Западом. В этой связи уместным является аналогия противопоставления ИРИ-КСА с КНР-Индия. Вооружение Саудовской Аравии как регионального противника Ирана является следствием войны в Сирии и тактикой США в регионе по продвижению стратегии «Огненная дуга». Базисом этой политики является концептуальные основы национальной безопасности США, в которых ясно прописано, что любой актор международных отношений, несогласный с США, угрожает американской безопасности[8].

Список использованной литературы

1. Svein A. European Integration and the Changing Paradigm of Energy Policy: The case of natural gas liberalization. — Wash.: ARENA Working Papers. — 2014. Aug, 15. Archibugi D., Michie J. Technology, globalization and economic performance. — Cambridge: University press. — 2015. etc.
2. Al Kanani, A., N. Dawood, and V. Vukovic. 2017. «Energy Efficiency in Residential Buildings in the Kingdom of Saudi Arabia.» In: Building Information Modelling, Building Performance, Design and Smart Construction, edited by Mohammad Dastbaz, Chris Gorse, and Alice Moncaster, 129-143. Cham, Switzerland: Springer International.
3. Laura El-Katiri and Bassam Fattouh «A Brief Political Economy of Energy Subsidies in the Middle East and North Africa» https://journals.openedition.org/poldev/2267 дата обращения 08.05.2019
4. ABB (2014) The State of Global Energy Efficiency. Global and Sectoral Energy Efficiency Trends, Researched and written by Enerdata, ABB Ltd, www.abb-energyefficiency.com/assets/documents-download/ABB-Trends-in-global-energy-efficiency-2013.pdf дата обращения 08.05.2019
5. Al Kanani, A., N. Dawood, and V. Vukovic. 2017. «Energy Efficiency in Residential Buildings in the Kingdom of Saudi Arabia.» In: Building Information Modelling, Building Performance, Design and Smart Construction, edited by Mohammad Dastbaz, Chris Gorse, and Alice Moncaster, 129-143. Cham, Switzerland: Springer International.
6. Слинкин М. Ирано-иракская война 1980–1988 гг.: борьба на море. — Симферополь: 2010. — 288 с

7. El-Katiri, L. (2014) A Roadmap for Renewable Energy in the Middle East and North Africa, OIES Paper, MEP 6 (Oxford: The Oxford Institute for Energy Studies) http://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2014/01/MEP-6.pdf дата обращения 15.05.2019
8. Coady, D., I. Parry, L. Sears, and B. Shang (2015), How Large Are Global Energy Subsidies?, WP15/105, (Washington D.C.: IMF), https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2015/wp15105.pdf дата обращения 15.05.2019